

Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила"

"Мягкая сила" как теоретическая конструкция

"Мягкая сила" как политический термин впервые появилась в 1990 г. в опубликованной американским политологом Джозефом Наём книге под названием "Призвание к лидерству: меняющаяся природа Американской мощи" [12]. С публикацией в последующем целого ряда монографий, статей и интервью как самим теоретиком Дж. Наём, так и его критиками "мягкая сила" превратилась в настоящую концепцию, которую можно было использовать в качестве теоретической конструкции при анализе текущих мировых политических процессов. Тот факт, что "мягкая сила" основана на таких привлекательных понятиях, как гуманизм, демократия, содействие культурному сближению, взаимовыгодное сотрудничество, обусловил рост её популярности и востребованности в качестве инструмента практической политики у многих государств самого разного статуса. Часть из них включила положение о необходимости опоры на инструменты "мягкой силы" при реализации внешнеполитического курса в ключевые государственные документы, регулирующие сферу внешней политики. Однако мотивы опоры на эту концепцию у всех государств разные, её понимание разнится от страны к стране. Если в США "мягкая сила" коррелируется с такими понятиями, как "свобода", "демократия", "цивилизация" [7], в России то, как она понимается, хорошо иллюстрирует статья президента В.В. Путина, где "мягкая сила" соотносится с такими факторами, как "информационные и иные рычаги воздействия", "манипулирование общественным сознанием", "прямое вмешательство во внутреннюю политику" [6]. Очевидно, что противоречия в трактовках понятия "мягкая сила" связаны не только с национальными особенностями стран или политическими взглядами отдельных представителей высшего руководства, но и со слишком расплывчатым определением самой концепции, слабостью научного аппарата, который был использован при её обосновании, а также, как выразился один из критиков Дж. Наёя, А. Вивинг, тем, что в ней отсутствует теоретический базис и смешиваются понятия власти и ресурсов власти [19]. Тем не менее, несмотря на большое количество критических работ, отметивших недостатки как самой концепции, так и той научной базы, которая была под неё проведена, интерес к её изучению не снижается. В России и за рубежом выпущены десятки монографий по "мягкой силе" как теоретической конструкции и практике её применения отдельными государствами. При этом до сих пор нет однозначного понимания того, что значит "мягкая сила" и как она работает. Настоящее исследование является ещё одной попыткой внести ясность, во-первых, в понимание того, что относится к "мягкой силе", во-вторых, определить механизм её действия, в-третьих, установить пределы её использования.

© Рустамова Л.Р., 2018

РУСТАМОВА Лейли Рустамовна, к.полит.н., научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН РФ; эксперт отдела докторантуры и аспирантуры Московского государственного института (университет) международных отношений (г. Москва). **E-mail:** leili-rustamova@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта "Дисбалансы в мировой политике и международной безопасности" Программы фундаментальных исследований Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук (ОГПМО РАН) "Дисбалансы современного миропорядка и Россия".

Механизм действия "мягкой силы" по Дж. Наю

С 1990 г. Джозеф Най выпустил четыре исследования по "мягкой силе"¹. Во всех работах понятию "мягкой силы" он не даёт чёткую и однозначную формулировку. Сначала была попытка разделить силу строго на "жесткую" и "мягкую". "Мягкая сила", таким образом, была представлена как способность заставить других хотеть того же, чего хотите и вы через формирование привлекательности [13, с. 5]. Привлекательность формировалась через такие ресурсы "мягкой силы", как культура, внешняя политика, идеология, и измерялась методом социологических опросов. Отсюда, методом простого сложения ресурсов "мягкой силы" и их субъективной оценки стали говорить о том, что, например, "мягкая сила" Франции сильнее, чем "мягкая сила" Бразилии. Затем Джозеф Най сделал уточнение, что привлекательность может формироваться не только через вышеуказанные ресурсы, но и через те ресурсы, которые он прежде отнёс к "жесткой силе": экономику, армию и финансы, а их отнесение к "мягкой" или "жесткой" силе зависит от контекста их использования [15]. Таким образом, например, если экономика страны представляет эффективную модель и образец для других стран, то это "мягкая сила", если же экономика даёт средства, которые используются, для того чтобы покупать мнения и уступки, т.е. подкуп, то это "жесткая сила". Поскольку "мягкая сила" не способна решить все внешнеполитические задачи, Дж. Най отметил, что наилучшей внешнеполитической стратегией может стать умелое сочетание ресурсов "жесткой" и "мягкой силы", назвав её "умной силой", однако никакого теоретического обоснования этому сочетанию он не дал.

Методами оценки "мягкой силы" во всех работах по-прежнему остался опрос и экспертная оценка. В конечном итоге, в последнем труде 2011 г. "Будущее власти" "мягкая сила" была определена как способность влиять на других путём средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов [14, с. 21]. То есть "мягкая сила" – это не просто набор ресурсов или каких-то действий, которые вызывают положительные и отрицательные эмоции и чувства в обществе зарубежных стран, "мягкая сила" – это, с одной стороны, тот имидж и образ, который сложился о стране на внешнеполитической арене; с другой стороны, это стратегия по реализации национальных интересов через опору на сотрудничество и морально-этические аспекты мировой политики согласно принципу "не мытьём, так катаньем", только наоборот.

Для того чтобы обосновать эвристическую ценность "мягкой силы" как теоретической конструкции Дж. Най вынужден был как-то описать механизм действия "мягкой силы". В том же труде "Будущее власти" Дж. Най ввёл понятие "поведенческий аспект "мягкой силы", который обозначает превращение ресурсов "мягкой силы" в силу через соответствующее поведение. При выборе определённой стратегии поведения ресурсы превращаются в конкретные позитивные или негативные результаты. Процесс превращения был представлен схемой (рис. 1):

Согласно рисунку 1 "мягкая сила" становится действенным инструментом реализации политических целей, когда государство выбирает из всего имеющегося в его распоряжении перечня ресурсов в той или иной сфере наиболее выигрышные. Через институты "мягкой силы", взяв на вооружение такую манеру поведения, которая не вызовет отторжения, а будет находить отклик со стороны объекта воздействия, страна начинает поэтапно внедрять в жизнь свою программу действий. Поведенческие характеристики "мягкой силы", по мнению Дж. Наю, должны включать в себя следующие действия: заигрывание, убеждение, привлечение [14, с. 21].

К примеру, западные страны стремятся к распространению западных ценностей через воспитание молодого поколения незападных стран. Для того чтобы достичь этой цели через "мягкую силу", страны западного блока предлагают иностранным студентам получить качественное образование в ведущих зарубежных вузах по программам студенческого обмена на совершенно без-

¹ В 2002 г. вышла книга "Парадокс американского могущества: почему единственная мировая сверхдержава не может действовать в одиночку", в 2004 г. – "Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике", в 2008 г. – "Сила управлять" и в 2011 г. – "Будущее власти".

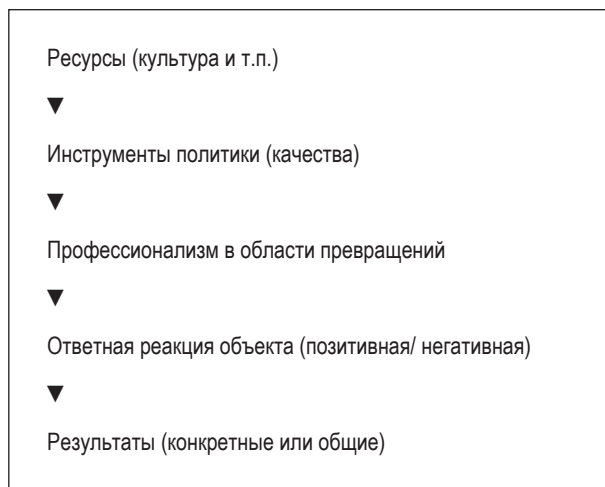

Рис 1. Механизм реализации "мягкой силы".

Источник: [4, с. 177].

возмездной основе или на очень выгодных иных условиях, то есть используют модель привлечения. При этом они предполагают, что в процессе обучения молодые люди оценят по достоинству все преимущества западной модели развития, приобщатся к западной системе ценностей и, вернувшись на родину, станут проводниками этой системы в своём обществе. Однако выбор той или иной программы действий, по-прежнему, в концепции "мягкой силы" остаётся сугубо индивидуальным, нерегламентированным выбором.

Представляется, что если бы такое понятие, как "профессионализм в области превращений", обозначенное на *рисунке 1* в качестве одного из этапов механизма реализации "мягкой силы", получило какое-нибудь аналитическое продолжение в виде определённых критериев, которые институты "мягкой силы" должны соблюдать при реализации государственной стратегии по её наращиванию, то сам механизм получил бы свои очертания.

Такие критерии неосознанно обозначил и сам Дж. Най при попытке разграничить то, что называется пропагандой, и то, что относится к "мягкой силе", однако не увязал их напрямую с механизмом реализации концепции. По его мнению, "мягкая сила" отличается от пропаганды тем, что она следует следующим важнейшим условиям: во-первых, какая бы цель реализации "мягкой силы" ни преследовалась во внешней политике, она должна соответствовать и внутривнутриполитическим установкам. При учёте данного критерия, ответной реакцией реципиента "мягкой силы" должно стать доверие к внешнеполитическим акциям государства, которое на него посредством этой концепции воздействует. К примеру, если государство ставит своей целью защиту прав человека в глобальном масштабе, то такое государство само должно быть образцом по их соблюдению. Только в этом случае меры, которые государство предлагает своим партнёрам в этой сфере, могут найти отклик.

Во-вторых, успешность "мягкой силы" зависит от соответствия её программных установок легитимности. "Жёсткая сила" часто опирается на такие поведенческие аспекты, как давление, принуждение, шантаж, угрозы, которые стоят вне рамок закона и этического поведения. В условиях, когда большинство сфер межгосударственного взаимодействия регулируется нормами международного права и межгосударственными соглашениями, следование своим обязательствам и соглашениям становится важнейшим фактором доверия. Их несоблюдение, как правило, наносит серьёзный репутационный урон, подрывающий привлекательность государства. Таким образом, если проводником "мягкой силы" выступают государственные органы, то их деятельность должна быть строго регламентированной, соответствующей нормам международного права. Участвуя в программах по реализации националь-

ных интересов посредством распространения ценностей своей культуры, они и ни в коем случае не должны создавать условия, при которых возникает подозрение о вмешательстве во внутренние дела. У неправительственных акторов в этом смысле больше возможностей для манёвра, поскольку они в отличие от государственных структур могут взаимодействовать с гражданским обществом других государств, не нарушая при этом принципа государственного суверенитета. По этой причине Дж. Най отмечает, что для обеспечения легитимности политики "мягкой силы" государство должно делегировать большую часть программ по её продвижению гражданским структурам, имеющим большую свободу действий.

Критики концепции Дж. Ная дополнили критерии эффективного механизма её реализации следующим условием: государство должно учитывать национальную специфику объекта воздействия. Именно не учёт специфики ведёт к тому, что цели применения "мягкой силы" ведут иногда к прямо противоположным результатам. Попытка США установить демократические режимы в странах Ближнего Востока привела к тому, что в последние годы в мире наблюдается рост антиамериканизма среди населения большинства арабских государств [10], чья традиционная система ценностей оказалась не готова принять сопутствующий демократической форме западный образ жизни, западный взгляд на текущее развитие мировых политических процессов. В то же время, без открытости "мягкой силе" другого государства невозможно рассчитывать на благоприятное восприятие своего образа, "мягкая сила" должна предполагать обоюдное влияние. Обмен "влиянием" предполагают и любые маркетинговые кампании по продвижению "мягкой силы", к которым относится, например, проведение двухсторонних годов культуры, поскольку сотрудничество стран предполагает взаимовыгодную основу. Кроме того, открытость другой культуре, перенимание её элементов само по себе может служить фактором привлекательности, ибо гражданину другого государства проще адаптироваться в той среде, где есть первичное понимание его взглядов и культурных традиций, что всегда учитывается в такой сфере, как туризм. С другой стороны, здесь есть риск того, что "мягкая сила" объекта воздействия может оказаться сильнее, и в этом случае государство рискует получить прямо противоположный эффект первоначальному целеполаганию. Дж. Най не предполагает такой обратной стороны медали "мягкой силы" в своих теоретических разработках, однако практика показывает, что иногда "мягкая сила" вместо того, чтобы способствовать эффективному продвижению внешнеполитического курса, создаёт дополнительные проблемы для политики внутренней. Так, принимаемая зарубежными студентами или мигрантами на своей территории, государство в некоторой степени идёт на риск в том смысле, что они не обязательно могут быть очарованы местной системой ценностей или образования, вполне возможно, что они могут разочароваться или стать проводниками "мягкой силы" страны своего происхождения. Аккумулировавшись на территории государства-субъекта воздействия политики "мягкой силы", они затем представляют собой политическую силу, с которой государству приходится считаться, в отношении которой приходится прилагать усилия либо по их дальнейшей интеграции в общество, либо по нейтрализации их политической активности. Примером подобного рода политической силы, отказавшейся от принятия системы ценностей государства пребывания в пользу своей культуры, могут считаться мигранты турецкого происхождения на территории европейских стран, которые считаются лидерами в области "мягкой силы": Германии, Австрии, Нидерландов.

Риски, связанные с реализацией "мягкой силы", говорят о том, что "мягкая сила" – это та стратегия, которая требует детальной проработанности. Для того чтобы первоначальные цели её применения соответствовали возможным результатам, необходимо обозначить пределы её использования, а также выделить критерии эффективности. Сам автор концепции избегает попыток артикулирования этих проблемных вопросов в своих теоретических исследованиях.

Критерии эффективности "мягкой силы" и пределы её использования

Вопрос о том, как определить пределы "мягкой силы" и как рассчитать её эффективность в исследованиях концепции, остаётся открытым. В гуманитарных дисциплинах, где остро стоит проблема верификации знаний, очень сложно что-либо рассчитать математическим путём, поскольку политические события происходят быстро и иногда разворачиваются непредсказуемо. Предпринятые рядом институтов попытки рассчитать коэффициент "мягкой силы" стран наталкиваются на критику, а также обвинения в том, что все рейтинги, в конечном счёте, выбирают совершенно разные показатели и их оценки сильно разнятся. Так, в рейтинге "мягкой силы" британского пиар-агентства Portland Китай занял в 2015 г. 30 место, в том же году британский журнал *Monocle* в своём рейтинге "мягкой силы" поставил его уже на 19 место [17, 18]. Тем не менее, можно выделить ряд критериев, которые учитываются во многих рейтингах и могут ответить на вопрос, является ли "мягкая сила" страны эффективной. Поскольку межстрановое взаимодействие происходит, главным образом, на трёх уровнях: между гражданами, группами граждан и правительствами, то критерии эффективности "мягкой силы" и должны учитывать привлекательность страны на каждом из этих уровней.

Личное общение значит много, поскольку позволяет преодолеть стереотипы, однако, несмотря на то, что в эпоху глобализации и технологического прогресса достичь любой точки планеты за максимально короткие сроки не представляет большой трудности, наладить личное общение большого количества масс людей невозможно. Такие инструменты "мягкой силы", как, например, стипендиальные программы нацелены на узкую группу, и их востребованность может свидетельствовать об эффективности одной сферы: образования. Критерием, который является показателем привлекательности страны и готовности к личному общению с гражданами другого государства, служит туристический поток. Интерес к той или иной стране может быть обусловлен самыми разными причинами, но это не изменит тот факт, что состоится погружение в другую культурную среду, вольный и невольный контакт с её представителями. Усилия государства по формированию привлекательности страны у этой группы зарубежного общества могут увенчаться успехом с большей вероятностью, поскольку они более открыты к воздействию на них инструментами "мягкой силы".

Гражданские структуры, задействованные в создании "мягкой силы", включают в себя организации самой разной направленности: от гуманитарных и правозащитных до политических фондов, чьей основной задачей является формирование политической повестки дня. Присутствие гуманитарных организаций оправдано в регионах, нуждающихся в острой гуманитарной помощи; политические фонды в большом количестве представлены в странах с авторитарным режимом и гражданским обществом, находящимся на этапе своего становления. Структуры, которые оказывают существенное влияние на наращивание или потерю "мягкой силы" иного государства среди всех групп граждан, в государствах с самой разной формой правления, – зарубежные СМИ. Участие отечественных СМИ в наращивании "мягкой силы" бесспорно, но за рубежом они представлены в ограниченном количестве, на мировом медийном рынке доминируют западные компании, и именно они занимаются освещением мировых событий, они и определяют восприятие зарубежными гражданами образа другого государства. Тон зарубежных СМИ по отношению к политике страны, освещение событий, происходящих в ней, в том или ином ключе, могут дать оценку тому, как государство воспринимается на мировой арене и, соответственно, как оно будет восприниматься зарубежными гражданами.

Отношения между политическими элитами стран существенным образом влияют на позитивное или негативное восприятие политического курса другого государства. Не секрет, что наилучшим образом отношения складываются обычно между соседями, и, как правило, граждане соседнего государства воспринимают политику соседней страны лучше, чем того, что находится на другом континенте. Известный песенный конкурс "Еurovision" ежегодно демонстрирует одну и ту же динамику: какими бы ни были выступления участников других стран, соседи голосуют за соседей. Однако это справедливо лишь

в том случае, когда соседние государства проводят политику поддержания хороших отношений друг с другом. В случае, когда в отношениях политических элит появляются противоречия, негативное отношение культивируется, в первую очередь, у своего населения посредством проведения соответствующей кампании в СМИ. Так, после того, как отношения между Россией и Турцией похолодели вследствие сбитого турецкими военными российского самолёта Су-24, и среди российских граждан, и среди турецкого народа прошли демонстративные акции взаимной ненависти. Впрочем, они быстро сошли на нет, и ухудшения российско-турецких отношений на межнациональном уровне не произошло, поскольку турецкое правительство быстро "сделало работу над ошибками". Было возобновлены туристические потоки россиян в Турцию, возобновлены контакты высшего руководства.

Считается, что "мягкая сила" – универсальный инструмент по улучшению имиджа, который удобен, в первую очередь, для стран, у которых, в отличие от крупных держав, нет возможности вести затратную внешнюю политику, подкреплённую такими ресурсами "жёсткой силы", как армия, финансово-экономические рычаги давления. Критериями эффективности "мягкой силы" таких государств с нейтральным статусом, как Швейцария, Австрия, выступают готовность предоставить посреднические услуги, склонность к совместной кооперации в решении международных проблем. Сам Джозеф Най и часть его последователей приводят в этом случае пример Ватикана [9]. Действительно, Ватикану не нужны ни танки, ни пушки, для того чтобы продолжать оставаться влиятельным центром силы, у него есть иное оружие: Ватикан – это центр католической религии и его основное оружие – "Божье слово". Однако за кулисами остаётся факт того, что это государство прилагает огромные усилия по сохранению своего влияния материальными ресурсами "жёсткой силы". Ватикан – одно из самых богатых государств планеты, в числе его владений сотни тысяч объектов недвижимости, культурного наследия и банковская сеть. На протяжении веков исторические факты свидетельствуют о том, что излюбленными приёмами римской католической церкви в достижении политического и финансового могущества были подкуп, шантаж, давление и убийства.

В качестве примеров государств, у которых нет серьёзных ресурсов "жёсткой силы", но есть влиятельная "мягкая сила", можно привести Германию, Японию, Швейцарию. Но и тут нельзя сказать, что она построена на "силе слова", а скорее на финансово-экономических возможностях. Их имидж строится десятками институтов "мягкой силы", на поддержание которых государство на постоянной основе тратит огромные средства. На финансирование деятельности Института Конфуция, немецкой ДААД, французской Edu France, итальянского Общества Данте с их многочисленными представительствами за рубежом запланированы соответствующие части бюджетных ассигнований. Анализ расходов на реализацию программ "мягкой силы" показывает, что как эффективный инструмент по формированию привлекательного имиджа, долгосрочная стратегия по достижению того, что ты хочешь, не прибегая при этом к насилию, она требует серьёзных, колоссальных экономических затрат, эффект от которых неоднозначен.

В последнее время появляются публикации о возможных негативных последствиях применения "мягкой силы", а также ограниченности возможности её применять [3]. Сам Дж. Най считает, что главное ограничение в её применении касается недемократических стран, таких, как, например, Китай и Россия [16]. Это связано с тем, что Джозеф Най относится к представителям неолиберализма, и все его идеи о "мягкой силе" так или иначе пропитаны идеями этой теории, что справедливо отмечают некоторые исследователи [11]. Однако необходимо учитывать, что остальные участники мировой политики вовсе не обязаны придерживаться неолиберальной трактовки мировой политической системы. Для неореалистов, например, "мягкая сила" может стать ещё одним инструментом достижения национальных интересов в условиях, когда в силу периода активной кодификации норм международного права война как средство политической борьбы запрещена, и, соответственно, цели применения "мягкой силы" вовсе не предполагают безобидное формирование привлекательности своего культурного образа. Сам Дж. Най оставил первоначальные попытки представить "мягкую силу" как некий идеальный инструмент, универсальный для всех ситуаций, отметив под конец, что возможно её

применение и ради не самых благих целей, уточнив, что она всё же "оставляет большую свободу выбора в ответ, чем физическая сила" [4].

"Мягкая сила" России

В 2016 г. Россия впервые попала в тридцатку стран – лидеров "мягкой силы" по версии агентства Portland. Признание того, что Россия обладает эффективной "мягкой силой" в условиях, когда конфликт на Украине, в развязывании которого западные страны обвиняют Россию, остаётся неурегулированным, всё чаще звучат голоса, обвиняющие её в затягивании гражданской войны в Сирии, всё активнее критикуется российская политическая верхушка, выглядит парадоксальным.

О важности применения этой концепции во внешней политике российская политическая верхушка объявила уже давно, первые институты "мягкой силы" России за рубежом открылись ещё в 2000-х, при этом в большинстве исследований по российской "мягкой силе" отмечалось, что существуют серьёзные недостатки, к которым относили, прежде всего недостаточное внимание к основным проблемам регионов, куда направлена российская "мягкая сила" [2], экспорт таких негативных образов, как "бандитская Россия", "русская мафия", "агрессивный медведь" для внутреннего и внешнего потребителя [5], непривлекательная экономическая модель развития [1]. Практически все исследования были едины во мнении, что образ России за рубежом большей частью негативный ещё и потому, что он формируется не Россией, а зарубежными СМИ. В настоящий момент количество публикаций в ведущих мировых изданиях, открыто демонизирующих образ России, только растёт, а эффективность "мягкой силы", оказывается, стала выше.

Дело в том, что привлекательной может быть не только сила "мягкая", но и "жесткая". То факт, что государство во главу угла ставит такие масштабные задачи, как борьба с международным терроризмом, и ценой невероятных усилий добивается в этом результатов на фоне того, как Европа не может до конца принять чёткое решение, оставить ли границы открытыми для мигрантов, или они должны быть закрытыми, ибо представляют угрозу их политической стабильности, наверняка, вызывает уважение у ряда граждан зарубежных стран. Сильная политическая власть и эффективность в решении серьёзных проблем не могут не быть привлекательными и вызывают симпатии многих. В то же время, открытая пропаганда зарубежных СМИ, "фейковые новости" дискредитируют сами издания.

Российская внешняя политика остаётся независимой. Россия следует своим интересам и защищает их ресурсами "жесткой силы". В ответ западные страны вводят в её отношении экономические и политические санкции. Прошло уже более двух лет, и политика России не изменилась, что поставило перед Западом вопросы: тот ли путь они избрали, чтобы оказать на неё давление? Задача введения санкций состояла в снижении экономического благосостояния в стране с тем, чтобы граждане России на фоне низкого уровня жизни оказали давление на правительство, и оно затем изменило свой внешнеполитический курс. Однако уровень поддержки российской власти оказался, напротив, беспрецедентно высоким. По результатам опросов Фонда развития гражданского общества в 2018 г. за действующего президента России готовы проголосовать 61–66% населения [8].

Особенность "мягкой силы" России состоит в том, что она направлена "вовнутрь". В качестве цели создания крупнейшего российского института "мягкой силы" "Россотрудничества" была заявлена как раз "поддержка соотечественников за рубежом". В условиях жесткого давления на Россию со стороны группы европейских стран во главе с США такое направление "мягкой силы" себя оправдало. Отсутствие возможности дестабилизировать внутреннюю обстановку в стране – одно из важнейших достижений российской "мягкой силы" на внутреннем направлении.

Выводы

Все больше государств обращаются к концепции "мягкой силы" при формулировании внешнеполитической стратегии. Однако она не всегда становится действенным инструментом решения политических проблем, улуч-

шения межгосударственных отношений или продвижения национальных интересов. Даже те, государства, которые применяют её наиболее эффективно, сталкиваются с тем, что в её использовании существуют определённые пределы, которые связаны, как с особенностями концепции, так и с тем, что ожидания от её применения превосходят возможные результаты.

Проблема в понимании этой концепции состоит в том, что её принимают как практический политический инструмент, однако "мягкая сила" выглядит больше теоретической конструкцией, которая помогает государству разработать единую стратегию своего политико-идеологического воздействия. Очевидно, что она должна применяться в совокупности с ресурсами "жесткой силы" и помогать сглаживать возможные негативные последствия тех или иных действий во внешней политике. Только опора на "мягкую силу" оставляет государство уязвимым пред лицом более серьёзных угроз, чем, например, снижение туристического потока. Сами ресурсы "жесткой силы" не всегда выглядят непривлекательными. В условиях выбора между учётом национальных интересов и мнением "международного сообщества", перед которым оказалась Россия, опора на "жесткую силу" во внешней политике при одновременном "мягком" воздействии на своих граждан выглядит более оправданно.

Как любая теоретическая конструкция, "мягкая сила" Дж. Наёя не лишена критики. Первоначальная трактовка "мягкой силы", предложенная её теоретиком Дж. Наём, оставляет много вопросов. Механизм действия, критерии эффективности, пределы применения "мягкой силы" до сих пор не объяснены на должном уровне. Применимость концепции во внутренней политике также не получила никакого освещения. Очевидно, что к исследованию этих вопросов будут обращаться ещё неоднократно, и "мягкая сила" как теоретическая конструкция будет ещё претерпевать изменения.

Литература

1. Будаев А.В. "Мягкая сила" во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. 2015. № 48. С. 183–205.
2. Лебедева М.М. "Мягкая сила" в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 47–55.
3. Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. "Мягкая сила": тёмная сторона (пример Германии) // Вестник МГИМО. 2016. № 3 (48). С. 144–153.
4. Най Дж. Будущее власти.; пер. с англ. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014.
5. Паршин П.Б. Проблематика "мягкой силы" во внешней политике России: Аналитический доклад. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Москва, 2013, 40 с.
6. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 15.11.2016).
7. Харкевич М.М. "Мягкая сила": политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 22–29.
8. Эксперты сообщили о крайне высоком рейтинге Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/05/04/eksperty-soobshchili-o-krajnevysokom-rejtinge-vladimira-putina.html> (дата обращения: 04.05.2017).
9. Chong Alan. The foreign policy potential of "small state soft power" information strategies. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/turin/Chong-ALAN%20CHONG%202007%20The%20Foreign%20Policy%20Potential%20of%20Small%20State%20Soft%20Power.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
10. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon, // The Journal of Politics, 2016. Vol. 78, No. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://journalistsresource.org/studies/international/the-roots-of-anti-americanism-in-the-middle-east> (дата обращения: 25.12.2016).
11. Kersten J. Soft Power und Militär. Eine Untersuchung zum Afghanistan-Einsatz der Bundeswehr. Universitätsverlag Potsdam, 2013. 107 S.
12. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.
13. Nye Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
14. Nye Joseph S. The future of power. 2011. 320 p.
15. Nye Joseph S. Think again: soft power // Foreign Policy 2006. February 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (дата обращения: 25.12.2016).

16. Nye Joseph S. What China and Russia don't get about soft power // Foreign Policy. 2013. 29 April. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.com>. (дата обращения: 25.12.2016).
17. Soft power Survey 2015\2016 // Monocle. [Электронный ресурс]. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2015-16/> (дата обращения: 25.12.2016).
18. The soft power 30 // Portland. [Электронный ресурс]. URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#2015> (дата обращения: 25.12.2016).
19. Vuving Alexander L. How soft power works. Toronto, September 3, 2009. 20 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Budaev A.V. "Myagkaya sila" vo vneshnej politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy // Gosudarstvennoe upravlenie. 2015. № 48. S. 183–205.
2. Lebedeva M.M. "Myagkaya sila" v otnoshenii TSentral'noj Azii: uchastniki i ikh dejstviya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2. S. 47–55.
3. Lebedeva M.M., Rustomova L.R., SHarko M.V. "Myagkaya sila": tyomnaya storona (primer Germanii) // Vestnik MGIMO. 2016. № 3 (48). S. 144–153.
4. Naj Dzh. Budushhee vlasti.; per. s angl. V.N. Verchenko. Moskva: AST, 2014.
5. Parshin P.B. Problematika "myagkoj sily" vo vneshnej politike Rossii: Analiticheskij doklad. Institut mezhdunarodnykh issledovanij MGIMO (U) MID Rossii. Moskva, 2013, 40 s.
6. Putin V.V. Rossiya i menyayushhij sya mir // Moskovskie novosti, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 15.11.2016).
7. KHarkevich M.M. "Myagkaya sila": politicheskoe ispol'zovanie nauchnoj kontseptsii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2. S. 22–29.
8. EHksperty soobshhili o krajne vysokom rejtinge Vladimira Putina [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/05/04/eksperty-soobshchili-o-krajne-vysokom-rejtinge-vladimira-putina.html> (дата обращения: 04.05.2017).
9. Chong Alan. The foreign policy potential of "small state soft power" information strategies. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/turin/Chong-ALAN%20CHONG%202007%20The%20Foreign%20Policy%20Potential%20of%20Small%20State%20Soft%20Power.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
10. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon, // The Journal of Politics, 2016. Vol. 78, №. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://journalistsresource.org/studies/international/the-roots-of-anti-americanism-in-the-middle-east> (дата обращения: 25.12.2016).
11. Kersten J. Soft Power und Militär. Eine Untersuchung zum Afghanistan-Einsatz der Bundeswehr. Universitätsverlag Potsdam, 2013. 107 S.
12. Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. 167 p.
13. Nye Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
14. Nye Joseph S. The future of power. 2011. 320 p.
15. Nye Joseph S. Think again: soft power // Foreign Policy 2006. February 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (дата обращения: 25.12.2016).
16. Nye Joseph S. What China and Russia don't get about soft power // Foreign Policy. 2013. 29 April. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.com>. (дата обращения: 25.12.2016).
17. Soft power Survey 2015\2016 // Monocle. [Электронный ресурс]. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2015-16/> (дата обращения: 25.12.2016).
18. The soft power 30 // Portland. [Электронный ресурс]. URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking/#2015> (дата обращения: 25.12.2016).
19. Vuving Alexander L. How soft power works. Toronto, September 3, 2009. 20 p.

Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила".

"Мягкая сила" становится всё более популярной темой для исследования, однако до сих пор нет единого понимания того, что к ней относится и где пределы её использования. В статье даётся анализ теоретических нововведений основателя концепции – Дж. Ная, которые он описал в одной из последних своих работ, а также предпринимается попытка дать своё определение понятию "мягкая сила" и установить механизм её действия. В статье отмечается, что "мягкая сила" – это и тот имидж, который сложился у государства на международной арене, и стратегия по реализации национальных интересов через опору на сотрудничество и морально-этические аспекты мировой политики. Опираясь на концепцию, можно объяснить многие текущие процессы мировой политики, однако она не является панацеей от многих проблем.

Ключевые слова: *"мягкая сила", "жёсткая сила", поведенческие аспекты "мягкой силы", Дж. Най*

Rustamova L.R. The mechanism of "soft power" implementation and the limits of its use.

"Soft power" is becoming an increasingly popular subject for research, but there is still no common understanding of its meaning and the limits of its use. In this article is given an analysis of recent theoretical innovations made by the founder of the concept – J. Nye, which he gives in one of his last books. Another task of the article is an attempt to give its own definition of the concept of "soft power" and to establish the mechanism of its implementation. It is determined that "soft power" - is the image which a state has gained on the international arena, and the strategy for the implementation of national interests through cooperation and ethical aspects of world politics. The concept can explain many current processes of world politics, but it is not a panacea for many problems.

Key words: *"soft power", "hard power", the power behavior, J. Nye*

Для цитирования: Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 145–154. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154

For citation: Rustamova L.R. The mechanism of "soft power" implementation and the limits of its use // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 145–154. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154

